

Сказка Туве Янссон

" В конце ноября "

Глава 15

Дни стали короче и холоднее. Дождь шел редко. Изредка выглядывало солнце, и голые деревья бросали длинные тени на землю, а по утрам и вечерам все погружалось в полумрак, затем наступала темнота. Они не видели, как заходит солнце, но видели желтое закатное небо и резкие очертания гор вокруг, и им казалось, что они живут на дне колодца.

Хемуль и хомса строили беседку для папы. Онкельскрут рыбачил, и теперь ему удавалось поймать примерно по две рыбы в день, а Филифьонка начала посвистывать. Это была осень без бурь, большая гроза не возвращалась, лишь откуда-то издалека доносилось ее слабое ворчанье, отчего тишина, царившая в долине, становилась еще более глубокой. Кроме хомсы, никто не знал, что с каждым раскатом грома зверек вырастал, набирался силы и храбрости. Он и внешне сильно изменился. Однажды вечером при желтом закатном свете он склонился над водой и впервые увидел свои белые зубы. Он широко разинул рот, потом стиснул зубы и заскрипел, правда, совсем немножко, и при этом подумал: "Мне никто не нужен, я сам зубастый".

Теперь Тофт старался не думать о зверьке, – он знал, что зверек продолжал расти уже сам по себе.

Тофту было очень трудно засыпать по вечерам, не рассказав что-нибудь себе самому, ведь он так привык к этому. Он все читал и читал свою книгу, а понимал все меньше и меньше. Теперь шли рассуждения о том, как зверек выглядит внутри, и это было очень скучно и неинтересно.

Однажды вечером в чулан постучала Филифьонка.

– Привет, дружок! – сказала она, осторожно приоткрыв дверь.

Хомса поднял глаза от книги и молча выжидал.

Филифьонка уселась на пол рядом с ним и, склонив голову набок, спросила:

– Что ты читаешь?

– Книгу, – ответил Тофт.

Филифьонка глубоко вздохнула, придвинулась поближе к нему и спросила:

– Наверно, нелегко быть маленьким и не иметь мамы?

Хомса еще ниже начесал волосы на глаза, словно хотел в них спрятаться, и ничего не ответил.

– Вчера вечером я вдруг подумала о тебе, – сказала она искренне. – Как тебя зовут?

– Тофт, – ответил хомса.

– Тофт, – повторила Филифьонка. – Красивое имя. – Она отчаянно подыскивала подходящие слова и сожалела, что так мало знала о детях и не очень-то любила их. Под конец сказала: – Ведь тебе тепло? Тебе хорошо здесь?

– Да, спасибо, – ответил хомса Тофт.

Филифьонка всплеснула лапами, она попыталась заглянуть ему в мордочку и спросила умоляюще:

– Ты совершенно уверен в этом?

Хомса попятился. От нее пахло страхом.

– Может быть... – торопливо сказал он, – мне бы одеяло...

Филифьонка вскочила.

– Сейчас принесу! – воскликнула она. – Подожди немного. Сию минуту... – Он слышал, как она сбегала вниз по лестнице и потом поднялась снова. Когда она вошла в чулан, в лапах у нее было одеяло.

– Большое спасибо, – поблагодарил хомса и шаркнул лапкой. – Какое хорошее одеяло.

Филифьонка улыбнулась.

– Не за что! – сказала она. – Муми-мама сделала бы то же самое. – Она опустила одеяло на пол, постояла еще немного и ушла.

Хомса как можно аккуратнее свернул ее одеяло и положил его на полку. Он заполз в бредень и попытался читать дальше. Ничего не вышло. Тогда, он захлопнул книгу, погасил свет и вышел из дома.

Стеклянный шар он нашел не сразу. Хомса пошел не в ту сторону, долго плутал между стволов деревьев, словно был в саду первый раз. Наконец он увидел шар. Голубой свет в нем погас; сейчас шар был наполнен туманом, густым и темным туманом, почти таким же непроглядным, как сама ночь! За этим волшебным стеклом туман быстро мчался, исчезал, засасывался вглубь, кружился темными кольцами.

Хомса пошел дальше, по берегу реки, мимо папиной табачной грядки. Он остановился под еловыми ветвями возле большой топи, вокруг шелестел сухой камыш, а его сапожки вязли в болоте.

– Ты здесь? – осторожно спросил он. – Как ты чувствуешь себя, малыш нумулит?

В ответ из темноты послышалось злое ворчанье зверька.

Хомса повернулся и в ужасе бросился бежать. Он бежал наугад, спотыкался, падал, поднимался и снова мчался. У палатки он остановился. Она спокойно светилась в ночи, словно зеленый фонарик. В палатке сидел Снусмумрик, он играл сам для себя.

– Это я, – прошептал хомса, входя в палатку.

Он никогда раньше здесь не был. Внутри приятно пахло трубочным табаком и землей. На баночке с сахаром горела свеча, а на полу было полно щепок.

– Из этого я смастерю деревянную ложку, – сказал Снусмумрик. – Ты чего-то испугался?

– Семьи муми-троллей больше нет. Они меня обманули.

– Не думаю, – возразил Снусмумрик. – Может, им просто нужно немного отдохнуть. – Он достал свой термос и наполнил чаем две кружки. – Бери сахар, – сказал он, – они вернутся домой когда-нибудь.

– Когда-нибудь! – воскликнул хомса. – Они должны вернуться сейчас, только она нужна мне, Муми-мама!

Снусмумрик пожал плечами. Он намазал два бутерброда и сказал:

– Не знаю, кого из нас мама любит.

Хомса не промолвил больше ни слова. Уходя, он слышал, как Снусмумрик кричит ему вслед:

– Не делай из мухи слона!

Снова послышались звуки губной гармошки. На кухонном крыльце хомса увидел Филифьонку. Она стояла возле ведра с помоями и слушала. Хомса осторожно обошел ее и незаметно проскользнул в дом.